

СЛЕДЫ МАХАНДЖАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИТОБОЛЬЕ

© 2019

Яковлева Екатерина Сергеевна, аспирант отделения археологии и этнографии
Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН
(г. Челябинск, Российская Федерация)

Аннотация. Статья обобщает все известные на сегодняшний день источниковые данные по неолитической маханджарской культуре на территории лесостепного Притоболья. Публикуются как разрозненные архивные данные – материалы поселений Убаган 2, 3, 5, Усть-Суерка 4 и ряда других, так и результаты новых археологических работ на таких памятниках, как поселения Кочегарово 1, Ташково 1, что позволяет значительно расширить периферию маханджарской культуры до северной границы лесостепной зоны Притоболья. Западная граница периферии требует уточнения дальнейшими работами. Прослеживается географическая зависимость в распространении материалов в составе памятников с другими неолитическими культурами. На основании имеющихся абсолютных дат и фиксации фактов совместного залегания керамики делаются выводы о сосуществовании маханджарских комплексов в Притоболье с носителями ранне-неолитических (козловской и кошкинской) и поздне-неолитических (полуденской и боборыкинской) керамических традиций в период с конца раннего по середину позднего неолита. Предполагается, что распространение маханджарской культуры в лесостепной зоне шло путем включения ее носителей в среду местных обитателей посредством социальных связей. Включение маханджарских древностей лесостепного Притоболья в корпус источников позволяет расширить представления о культурогенезе и миграциях в конце раннего неолита.

Ключевые слова: лесостепное Притоболье; Тургайский прогиб; конец раннего неолита; поздний неолит; маханджарская культура; кошкинский тип керамики; козловский тип керамики; боборыкинский тип керамики; полуденский тип керамики; абсолютная хронология; культурогенез; инфильтрация.

Маханджарская культура была выделена В.Н. Логвиным в 1978 г. и приурочена к Тургайскому прогибу [1, с. 86]. Наиболее яркой ее чертой является специфическая керамика с характерным профилем: вытянутых пропорций, с коническим приостренным дном, горловиной с выпуклой шейкой и загибающимся внутрь краем. Результаты исследований материальной культуры представлены в диссертации исследователя, а подробное описание маханджарского гончарства осуществлено И.В. Шевниной в ряде работ [2; 3].

Историографический факт культурных контактов южнозауральско-североказахстанских территорий является общим местом для основных исторических этапов, и неолит не является исключением в этом ряду. Сам В.Н. Логвин отмечал, что присутствие маханджарской керамики в Южном Зауралье не исключено [1, с. 95]; однако до последнего времени такового достоверно практически не были известны.

Отдельные упоминания в печати были сделаны В.С. Мосиным для стоянки Бурли II на левом берегу р. Тогузак [4, с. 54–55], Д.Н. Еньшиным для Мергень-7 в Нижнем Приишимье [5, с. 20–21; 6]. М.П. Вохменцев в своей монографии отмечал, что материалы неолита лесостепного Притоболья, находящиеся южнее Кургана, несут видимый отпечаток степных культур [7, с. 40]. В связи с этим представляется важной задача введения в научный оборот новых источниковых данных, а также обобщение старых разрозненных сведений. Это позволило бы в дальнейших исследованиях более обоснованно говорить о взаимодействии степных и лесных культур в лесостепи, включив новый компонент в культурогенетические реконструкции зауральского неолита.

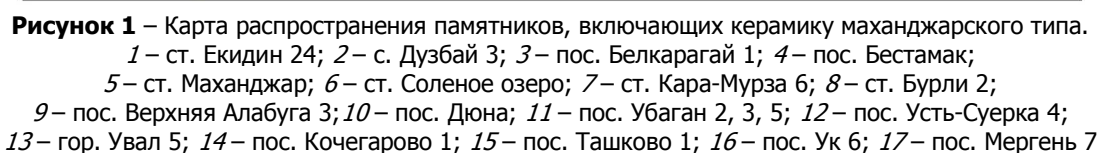
В настоящий момент можно выделить 8 памятников в лесостепном Притоболье и 1 – в Приишимье (упомянутое выше пос. Мергень-7), содержащие общим числом 39 сосудов и несколько фрагментов маханджарского типа. Распространение керамики логичным образом

отражает географическую зависимость, ввиду чего описание будет дано в направлении с юга на север по р. Тобол, а затем – по р. Миасс, Исеть и Ишим.

Самые южные свидетельства распространения маханджарской культуры в пределах Курганской области – это пос. Верхняя Алабуга-3 и пос. Убаган 2, 3, 5 (по рекомендации М.П. Вохменцева, ввиду затруднительности определения границ выявленных поселений, материалы последнего рассматриваются совокупно).

Пос. Верхняя Алабуга-3 находится в 4,5 км к юго-западу от деревни Верхняя Алабуга, в пойме Тобола на берегу старицы. Материалы опубликованы М.П. Вохменцевым [7, с. 9–10, 66–68], и по результатам знакомства автора с указанными коллекциями приводятся здесь в дополненном виде.

Коллекция Верхней Алабуги-3 представлена только тремя сосудами маханджарского типа; прочие сильно фрагментированные керамические артефакты, по-видимому, связаны с неолитическим временем. Неолитической керамики других типов не выявлено. Сосуды имеют типологически хорошо узнаваемый вид горшков с отогнутой или выпуклой горловиной, у двух наиболее полно сохранившихся (рис. 2: 1, 2) – сильно профилированное тулово с коническим дном. Эти же сосуды имеют залощенную внешнюю поверхность, относительно сложный геометрический орнамент из оттисков мелкого гребенчатого штампа, построенный на основе чередования зигзагов, прямых и наклонных линий и отрезков. Особо хотелось бы выделить мотив «треугольников», образованный крупным зигзагом на заштрихованном поле (рис. 2: 1). Если орнамент третьего сосуда достаточно прост и монотонен, состоит из прямых линий, эпизодически разделяемых простым зигзагом, то узор двух других динамичен: выделяются три-четыре «блока» (горловина, тулово, придонная часть, дно), состоящие из различных схем.

Группа поселений Убаган 2, 3, 5 расположена у впадения Убагана в Тобол [7, с. 11, 75]. Исследования проводились в разные годы с 1977 по 1988 гг. Н.Н. Куминовым, Т.М. Потемкиной, М.П. Вохменцевым. В коллекции Убаган 2, 3, 5 обнаружены 10 сосудов маханджарского типа (рис. 2: 6–21), а также 4 неолитических сосуда иного типа: 1 кошкиский и 3 «гребенчатых» (в данной работе не приводятся). В сравнении с алабужскими, убаганские материалы от-

личаются большей простотой: керамика запесоченная, но не залощенная и оттого шероховатая на ощупь; композиции весьма просты и построены на основе мотивов горизонтальной «елочки», зигзага и прямых линий, а в одном случае – сетки, созданных оттисками гребенчатого штампа. На одном сосуде (рис. 2: 5) также использована техника шагания. Два из десяти имеют прямостенный верх, прочие – отогнутые и выпуклые горловины.

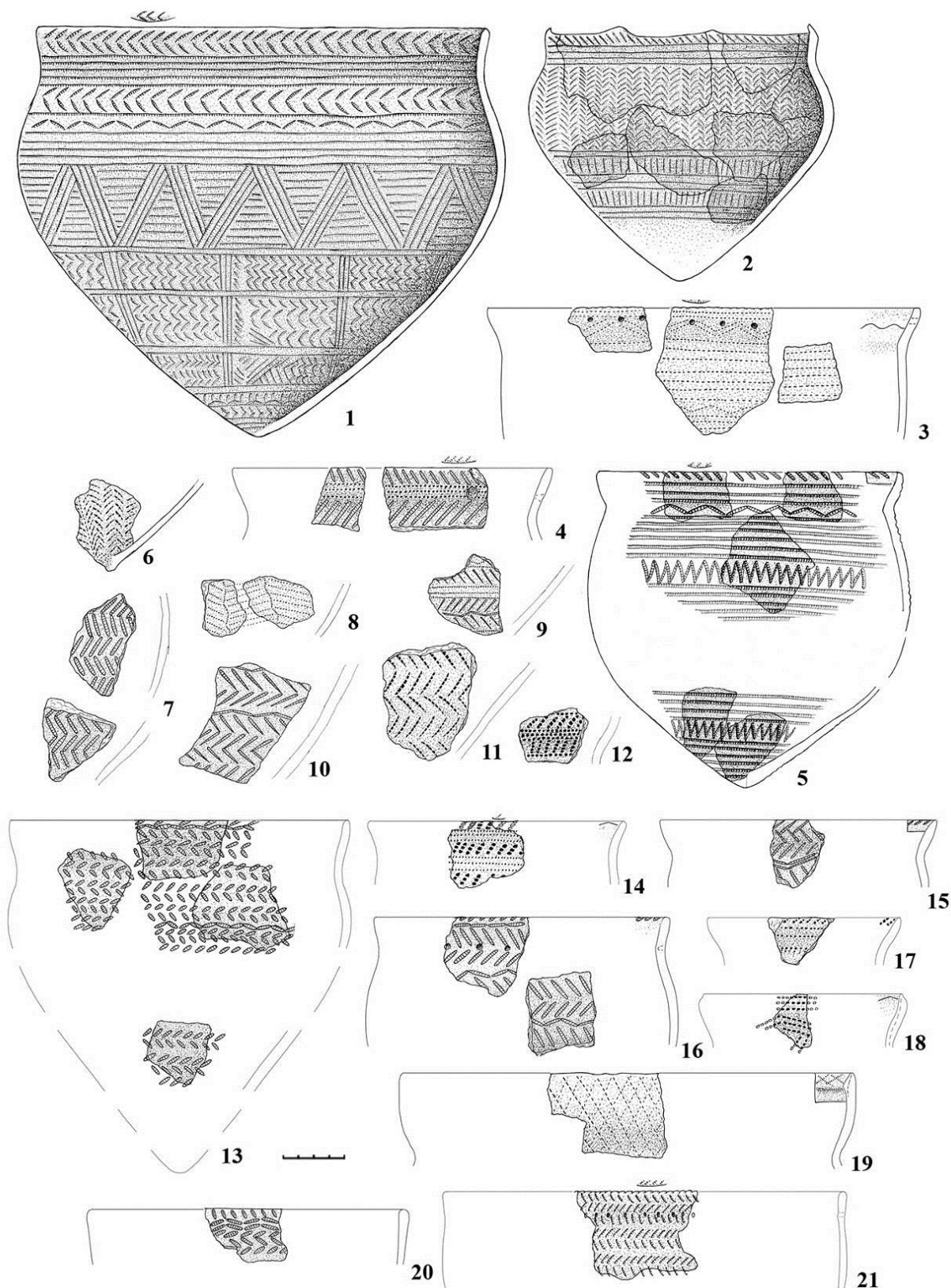

Рисунок 2 – Керамика маханджарского типа.

1–3 – пос. Верхняя Алабуга 3; 4–12 – пос. Убаган 2; 13–21 – пос. Убаган 3

В зоне северной лесостепи расположены пос. Усть-Суерка 4 [7, с. 9, 64–65] и гор. Увал-5 [7, с. 12–15, 77–84]. Первый расположен на правом берегу реки Суерь в 2 км от впадения в реку Тобол, на мысу, образованном течением реки и оврагом, на высоте около 2 м от современного уреза воды. Памятник открыт в 1962 г. Т.Г. Бушуевой и В.Т. Юровской. Исследовался в 1970 г. Т.М. Потемкиной, в 1990 г. М.П. Вохменцевым [8]; в настоящий момент готовится к изданию совместная публикация материалов; интересные материалы приводятся с разрешения уважаемого соавтора.

Коллекция керамики Усть-Суерки 4 содержит материалы большим числом боборыкинского типа; но есть и инокультурные включения. Маханджарские сосуды представлены пятью экземплярами, включая венчики (рис. 3: 1–5). Один из них (рис. 3: 1) ранее был опубликован в составе материалов боборыкинской культуры В.А. Захом [9, рис. 5: 2]; не имея принципиальных возражений против как таковой концепции сосуществования и взаимопроникновения элементов традиций, считаем более простой и очевидной культурную интерпретацию артефакта в качестве маханджарского. Сосуд орнаментирован рядами «шагающей гребенки», прямыми линиями и вертикальным зигзагом, спускающимся от «ушка» на венчике. Два других сосуда (рис. 3: 2, 3) не сразу были включены в маханджарский контекст; орнаментированы оттисками гребенчатого штампа на основе мотивом прямых линий и зигзага.

Гор. Увал 5 находится в 3 км юго-западнее с. Усть-Суерского, на верхней террасе правого берега р. Тобол, в урочище Увал. Памятник исследовался В.Т. Петриным в 1972 г. В 1978 г. В.А. Могильниковым, кроме материалов раннего железного века, в раскопе найдена неолитическая керамика маханджарского типа, представленная тремя экземплярами (приводятся по публикации: [7, с. 64]). Имеют прямую и слабовыпуклые горловины; орнамент построен на мотивах «елочки» и прямых линий.

Пос. Ук 6 – самый северный на настоящий момент памятник, где были зафиксированы образцы маханджарской керамики. Поселение находится в 3 км к ЮЗ от г. Заводоуковска. В 1991 и 1993 гг. исследовалось силами Самарского и Петропавловского педагогических институтов [10, с. 254]. Среди материала преимущественно боборыкинской культуры опубликованы два сосуда маханджарского типа (рис. 3: 9, 10), за недостаточностью опубликованной источниковой базы интерпретированные как «гибридные». Представленные сосуды имеют выразительный профиль с отогнутой выпуклой шейкой и раздутыми боками, орнамент построен на монотонных рядах наклонных оттисков гребенчатого штампа в виде горизонтальной «елочки».

Самую многочисленную и разнообразную коллекцию маханджарской керамики удалось выявить на пос. Кочегарово 1. Памятник располагается на мысовом участке почти высохшей старицы р. Миасс, в 1 км к западу от дер. Кочегарова. Исследование поселения было начато в 1992 г. М.П. Вохменцевым и продолжено в 2007 г. В.С. Мосиным. На настоящий момент раскопкам подверглись порядка 2 тыс. м², что, будучи внушительной площадью для памятника эпохи камня, дало целостные и репрезентативные материалы.

В 2009, 2011 и 2016 гг. вышел ряд статей с предварительными итогами исследований памятника [11–13]; была упомянута керамика козловской, полуденской, боборыкинской традиций неолита. Многие сосуды были датированы, что также нашло отражение в публикациях [14–17]. В целом абсолютный возраст неолитических материалов укладывается в период от рубежа раннего и позднего неолита и до середины позднего неолита.

Общая численность неолитических сосудов порядка 100, с первым этапом заселения площадки связаны 30–35 экземпляров, и 12 из них – это сосуды маханджарской культуры. Датами и планиграфическими и стратиграфическими наблюдениями установлено одновременное существование их вместе с козловскими и кошкинскими материалами на рубеже раннего и позднего неолита.

Сохранность сосудов маханджарского типа очень различная – от почти целых до схематически реконструируемых (рис. 4). Среди исследованных сосудов 4 относятся к достаточно крупным формам, тяготеющих диаметром устья и высотой к 30 см и более. 4 из них имеют вполне характерный для маханджарских сосудов профиль с оформленной горловиной, у двух она выпуклая, с загнутым внутрь краем. Дно достоверно (рис. 4: 3) или наиболее вероятно коническое, приостренное. Остальные 7 сосудов имеют небольшие размеры, с диаметром устья 11–18 см; диаметр еще одного венчика не восстанавливается.

Орнаментация сосудов простая и достаточно однообразная, основанная на горизонтальных линейных мотивах, с использованием зигзага. В основе орнамента лежат наклонные и горизонтальные оттиски гребенчатого штампа, образующие монотонные горизонтальные линии или «елочки». Штамп встречается широкий и узкий. Также есть 3 сосуда с орнаментацией из отдельных наколов (рис. 4: 5, 6, 10), которые не столь распространены, как гребенчатые оттиски, но тоже свойственны маханджарской керамике [3, с. 119–120]. Техника накалывания очень специфична и отличается от накольчатых орнаментов боборыкинской или козловской традиций: наколы очень глубокие, нанесенные под углом снизу; очертания имеют ромбовидные или треугольные. Округлые наколы, как в боборыкинских орнаментах, отсутствуют.

В отличие от керамики Тургайского прогиба, маханджарские сосуды поселения Кочегарово-I, реконструированные полно, орнаментированы сплошь. Срез венчика почти у всех сосудов орнаментирован – насечками или оттисками штампа.

По визуальным признакам, маханджарская керамика исследуемой коллекции содержит в примеси преимущественно песок и дресву, некоторые – с добавлением шамота (рис. 1: 2; рис. 2: 4, 5, 7); остальная неолитическая керамика – песок и шмот. Стандартной примесью для маханджарской керамики является органика (шерсть) или шмот + органика при использовании запесоченных глин [3, с. 100; 18]. Наличие или отсутствия органики в изученных формах не было выявлено без специальных исследований; примесь песка, можно предполагать, естественная, связанная с использованием запесоченных глин. В целом, черепки плотные, ощутимо шероховатые на ощупь, чем отличаются от остальных групп неолитической керамики поселения. Лощение до блеска, характерное для казахстанских сосудов этого типа, не встречено.

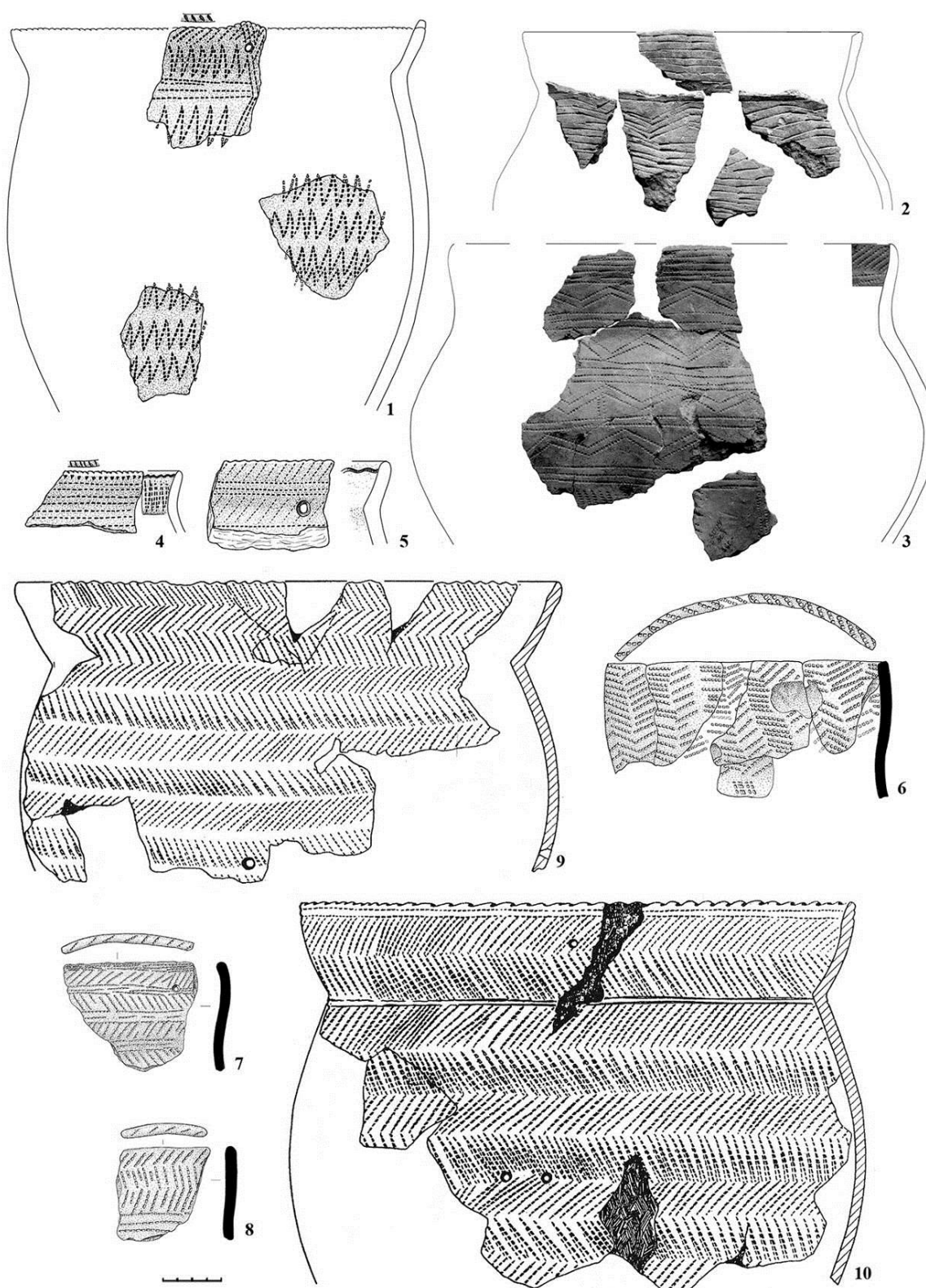

Рисунок 3 – Керамика маханджарского типа. 1–5 – пос. Усть-Сурка-4 (из готовящейся к публикации монографии); 6–8 – пос. Увал 5; 9–10 – пос. Ук 6 [8]

Наконец, последний памятник в лесостепном Притоболье, где были встречены маханджарские материалы, это пос. Ташково 1. Поселение располагается в Каргапольском р-не Курганской области; на правом берегу старичного русла Исети, в 2,5 км в ВСВ от дер. Ташкова. Разведочными работами 1977 г. были выявлены 17 жилищных впадин; исследования проводились в 1978–1979, 1982, 1986 гг. под руководством Н.В. Варанкина, В.Т. Ковалевой. В 2017 г. под руководством В.С. Мосина и при участии автора были возобновлены исследовательские работы на

поселении [19]; в 2018 г. – проведены раскопки. Памятник дал традиционное сочетание различных типов неолитической керамики – кошкинской, козловской, полуденской, боборыкинской, а также единичные включения иных материалов, например, кондинских и маханджарских. Последние представлены на настоящий момент только двумя сосудами (рис. 5: 1, 2), что, однако же, согласуется с общей тенденцией тяготения маханджарских комплексов к степи, по течению Тобола и Миасса. Подтаежная лесостепь стала северной границей распространения этой традиции.

Итак, полученная совокупность источников позволяет расширить ареал бытования маханджарской культуры далеко за пределы Тургайского прогиба в его северо-казахстанских границах: периферия на севере и востоке ее распространяется на всю притобольскую и, хотя бы отчасти, приишимскую лесостепь, а на западе проникает по крайней мере до впадения Миасса в Исеть. Установление примерных границ в пределах Южного Зауралья требует дополнительных исследований.

Характерно, что за пределами степи отсутствуют «чистые» маханджарские памятники; на всех перечисленных памятниках маханджарская керамика занимает стабильное меньшинство. Можно предположить не миграционный характер продвижения значительных групп населения, а инфильтрацию их посредством родственных связей [20] из соображений экологической целесообразности в рамках обитания в пограничной зоне.

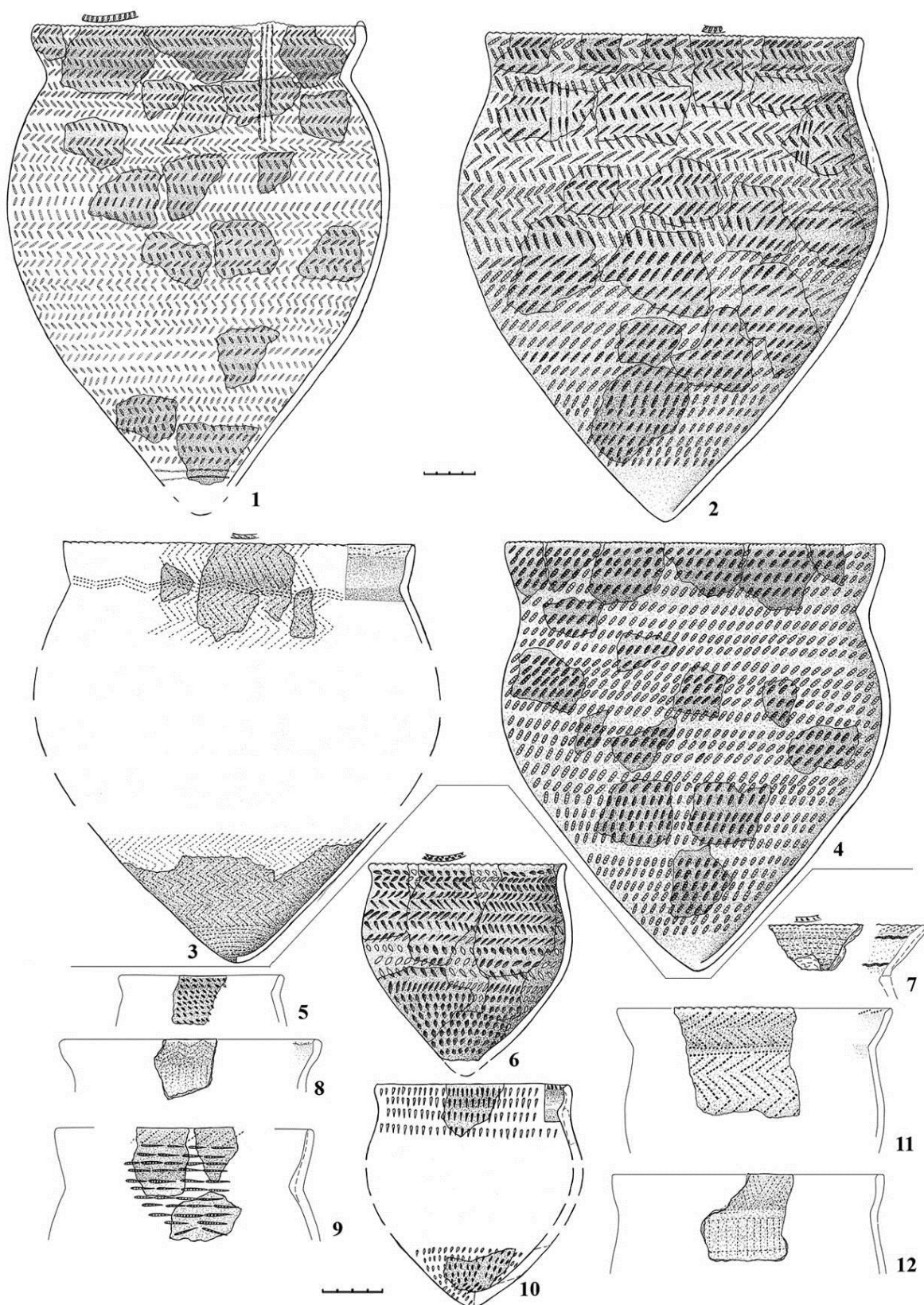

Рисунок 4 – Керамика маханджарского типа. 1–12 – пос. Кочегарово 1

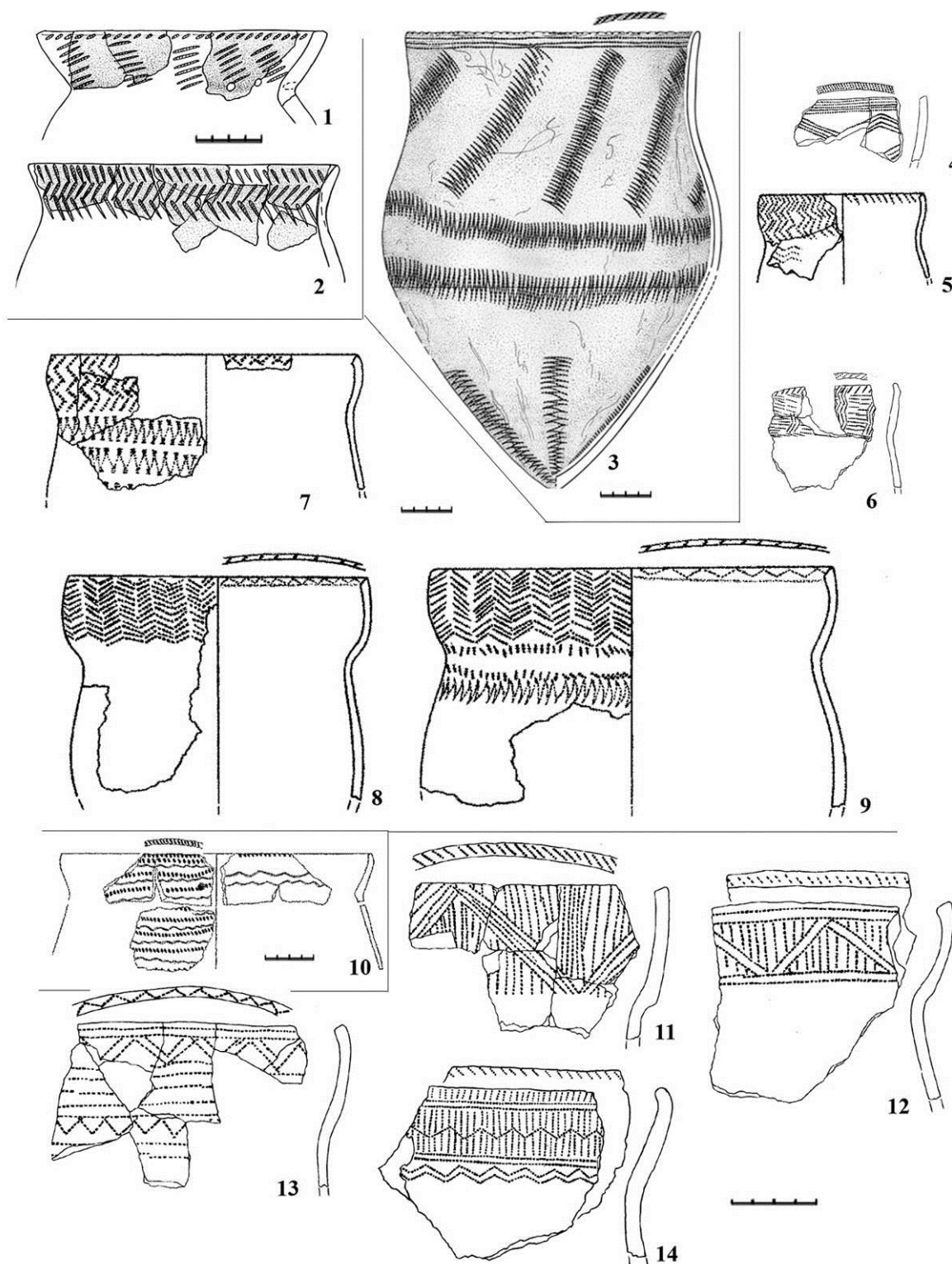

Рисунок 5 – Керамика маханджарского типа. 1–2 – пос. Ташково 1; 3 – пос. Мergenь 7 (по [5]); 4–14 – пос. Бестамак [3, с. 96, рис. 35: 4, 6, 9–12, с. 98, рис. 36: 1–3, 5, 7]

Таким образом, обобщение выявленных в лесостепном Притоболье маханджарских материалов позволяет обоснованно говорить о стабильном проникновении носителей степных культур в среду соседнего зауральского населения и неизолированном их сосуществовании. Датировки маханджарской культуры в целом немногочисленны, но компактны и непротиворечивы, хорошо согласуются с перекрестными датами сопутствующих материалов.

Так, для боборыкинской керамики на Ук 6 получены следующие, относительно ранние, даты: 5960 ± 80 л.н. (4950–4720 гг. до н.э.), 6040 ± 80 л.н.

(5050–4830 гг. до н.э.), гребенчатая керамика имеет дату, синхронную боборыкинской: 5870 ± 90 л.н. (4850–4610 гг. до н.э.) [12, с. 39]. Для Усть-Суерки-4 имеются как даты очень поздние, выпадающие из общего контекста: 4250 ± 100 л.н. (3010–2660 гг. до н.э.), 4410 ± 130 л.н. (3330–2900 гг. до н.э.), так и «стандартные» 5505 ± 120 , 6226 ± 120 . Для сосуда (рис. 4: 1) с Кочегарово 1 получена дата 6049 ± 130 л.н. Для комплекса Мergenь-7 имеется серия дат, совпадающих с серединой – второй половиной V тыс. до н.э. Абсолютный возраст материалов Солёное Озеро 1 – 5966 ± 120 л.н., Екидин 24 – 5662 ± 120 л.н. [15,

с. 79], то есть хорошо согласующийся с зауральскими датами. На основании этих данных можно уверенно считать временем существования маханджарских комплексов в Притоболье поздний неолит, начиная от его от его рубежа с ранним.

Традиционно появление в Зауралье инокультурного компонента в позднем неолите связывается с боборыкинским миграционным импульсом. Вероятно, синхронным с ним было и продвижение на север носителей маханджарской культуры. Однако, хотя степень их участия в местном культурогенезе остается проблемой для дальнейших изысканий, можно предполагать, что это расселение носило характер не масштабной (по меркам неолита) инвазии, а постепенной инфильтрации посредством социальных связей.

Автор выражает глубокую признательность коллективу Курганского областного музея и М.П. Вохменцеву за содействие в работе с источниками.

Список литературы:

1. Логвин В.Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита-энеолита: дис. ... д-ра ист. наук. Сургут, 2002. 426 с.
2. Шевнина И.В. Гончарство маханджарской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 21–28.
3. Шевнина И.В. Гончарство неолитических племен Торгая. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. IV. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 236 с.
4. Мосин В.С. Стоянка Бурли II и некоторые вопросы энеолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 48–61.
5. Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мерген 7 (Нижнее Приишимье): характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.
6. Илюшина В.В., Еньшин Д.Н. Гончарное производство козловской культуры по материалам поселения Мерген 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 4–14.
7. Вохменцев М.П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье / науч. ред. В.С. Мосин. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2016. 137 с.
8. Вохменцев М.П. Поселение Усть-Суерка-4 в лесостепном Притоболье // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. 2008. Вып. 3 (41). С. 51–55.
9. Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 396 с.
10. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Глушенко С.А. Поселение Ук VI в Тюменском Притоболье // Исто-

рические исследования. Вып. 2. Самара, 1998. С. 254–267.

11. Мосин В.С. Каменный инвентарь поселения Кочегарово I // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. 2009. Вып. 4 (46). С. 43–47.

12. Мосин В.С., Страхов А.Н. Поселение Кочегарово I (материалы исследований 1992, 2007–2008 гг.) // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 161–174.

13. Мосин В.С. Поселение Кочегарово I в Урало-Иртышской лесостепи (краткие итоги исследований) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16, № 1. С. 27–31.

14. Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 33–48.

15. Мосин В.С. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 108–113.

16. Мосин В.С. Хронология неолита Зауралья: новые даты, старые проблемы // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): мат-лы всерос. (с междунар. уч.) науч. конф. 25–29 октября, 2016 г. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2016. С. 78–79.

17. Яковлева Е.С. Неолит лесостепного Притоболья: проблемы типологии керамики и хронологии (на примере поселения Кочегарово I // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рожд. Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рожд. И.Б. Васильева: мат-лы всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 86–88.

18. Шевнина И.В. Изучение шерсти и волоса животных в составе древней керамики неолитических племен Тургайского прогиба // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 66–71.

19. Мосин В.С., Яковлева Е.С. Динамика развития поселений неолита-энеолита в лесостепном Зауралье // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства: мат-лы междунар. конф., посв. 50-летию В.М. Лозовского / под ред. О.В. Лозовской, А.А. Выборнова и Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 101–103.

20. Мосин В.С. Экосоциальная адаптация населения центра Северной Евразии в конце плейстоцена – начале голоцена (опыт археологического моделирования) // Уральский исторический вестник. 2010. Вып. 2 (27). С. 4–12.

TRACES OF MAHANJAR CULTURE IN THE FOREST-STEPPE TOBOL REGION

© 2019

Yakovleva Ekaterina Sergeevna, postgraduate student of Archeology and Ethnography Department
South-Ural Branch of Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Chelyabinsk, Russian Federation)

Abstract. The paper summarizes all currently known source data on the Neolithic Mahanjar culture in the forest-steppe Tobol region. Both scattered archival data – materials from Ubagan 2,3,5, Ust-Suerka 4 and several others – and the results of new archaeological works on such settlements as Kochegarovo 1 and Tashkovo 1 are published, which allows a significant expansion of the periphery of the Mahanjar culture to the north boundaries of the forest-steppe zone of the Tobol region. The western boundary of the periphery requires further work. The author traced ge-

ographical dependence in the distribution of materials in the composition of monuments with other Neolithic cultures. Based on the available absolute dates and the fixation of some facts of ceramics stratification, conclusions are drawn about the coexistence of Mahanjar complexes in the Tobol region with carriers of early Neolithic – Kozlovskaya and Koshkinskaya – and Late Neolithic – Poludenskaya and Boborykinskaya ceramic traditions from the end of early Neolithic to the mid of late Neolithic. It is assumed that the spread of the Mahanjar culture in the forest-steppe zone proceeded by including its carriers among the local inhabitants through social ties. The inclusion of the Mahanjar antiquities of the forest-steppe Tobol region in the corpus of sources allows us to expand our understanding of cultural genesis and migrations at the end of the early Neolithic.

Keywords: forest-steppe Tobol region; Turgai depression; end of early Neolithic period; late Neolithic; Mahanjar culture; Koshkinsky type of ceramics; Kozlovsky type of ceramics; Boborykinsky type of ceramics; poludensky type of ceramics; absolute chronology; cultural genesis; infiltration.

* * *

УДК 902/904(574.11)

DOI 10.24411/2309-4370-2019-13209

Статья поступила в редакцию 11.06.2019

СТОЯНКА ВАВИЛИНО 1 НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ РЕКИ ДЕРКУЛ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ (МАТЕРИАЛЫ 2018 ГОДА)

© 2019

Мамиров Талгат Базарбаевич, кандидат исторических наук, директор
Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Нур-Султане
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)

Аннотация. Статья посвящена предварительным данным исследования стоянки Вавилино 1 в Западном Казахстане. Памятник был впервые открыт Н.М. Маловым в 1986 году, повторно им же проведены подъемные сборы артефактов в 1988 году. В 1991 году Н.Л. Моргунова проводила раскопки на стоянке, которые показали важность изучения данного памятника для понимания неолита Волго-Уральского междуречья. Памятник расположен на правом берегу реки Деркул, и в настоящее время относится к категории аварийных. В 2018 году сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана в рамках изучения каменного века в Западном Казахстане были начаты работы на памятниках Ешкитау, Деркул 1 и Вавилино 1. На стоянке Вавилино 1 был заложен небольшой раскоп площадью 16 м², получено более тысячи каменных артефактов, плохо диагностируемых фрагментов керамики и костных останков животных. Раскопки показали наличие культурного слоя мощностью 15–20 см, относящегося к неолитическому времени. Верхний слой памятника мощностью до 30 см разрушен антропогенной деятельностью в прошлом столетии. Материал с культурного слоя немногочисленный, типологически выделяются концевые скребки, фрагменты пластин с ретушью, геометрические микролиты, призматический нуклеус для пластин и др.

Ключевые слова: Западный Казахстан; Деркул; Волго-Уральское междуречье; голоцен; каменный век; неолит; раскоп; культурный слой; горизонт; профиль; артефакты; каменные орудия; кремнистая порода; кварцитовидный песчаник; геометрические микролиты; скребки; пластины; нуклеус; ретушь; керамика; костные останки.

Стоянка Вавилино 1, несмотря на эпизодичность ее исследований, широко привлекается в культурно-хронологических построениях неолитических культур Волго-Уральского междуречья. Так, по Н.Л. Моргуновой данный памятник, возможно, является самой южной точкой распространения памятников елшанского типа [1, с. 224]. По мнению А.И. Юдина, стоянка Вавилово 2 (Вавилино 1), относится к орловской культуре и датируется поздним неолитом [2, с. 146, 176; 3, с. 361; 4, с. 37].

Существующее разночтение по поводу названия Вавилино 1 и Вавилово 2 объясняется тем, что первооткрыватель памятника, Н.М. Малов в 1986 году обозначил его как Вавилово 2 [5, с. 486], локализовав его в 1 км к югу от с. Вавилово на первой надпойменной террасе правого берега р. Деркул [6, с. 4–5; 7, с. 86]. Проводившая в 1991 году раскопки на этом же памятнике Н.Л. Моргунова назвала его как Вавилино 1 [8, с. 1–2], в соответствии с административным наименованием близлежащего населенного пункта Вавилино (с 2010 года – пос. Бастау Таскалинского района Западно-Казахстанской области). Поэтому мы также приняли данное наименование памятника как Вавилино 1 [9, с. 96].

Памятник Вавилино 1 расположен на коренном правом берегу р. Деркул в 2 км к юго-востоку от пос. Бастау (прежнее название Вавилино). Поверхность памятника полностью разрушена антропогенной деятельностью, представляет собой место пашни, с сооруженными искусственным валом, водосборниками и газопроводом (рис. 1).

По устному сообщению, сотрудника Западно-Казахстанского областного центра археологии, истории и этнографии Д.В. Марыксина, существовала угроза разрушения памятников каменного века водами р. Деркул в Таскалинском районе Западно-Казахстанской области. В 2018 году в рамках изучения каменного века в Западном Казахстане были проведены рекогносцировочные работы и на стоянке Вавилино 1.

Был заложен раскоп размерами 4 × 4 м на относительно ровной площадке западнее раскопа 2 1991 года [8, с. 5–7]. Погребенный слой снимался послойно (10 см), с тщательным просеиванием грунта через сито. Артефакты встречаются до глубины 45 (50) см (рис. 2). Почвенный профиль представляет собой несколько горизонтов по Д.А. Гаврилову (табл. 1).